

Сегодня можно выделить две тенденции в бытовании традиционных ремесел и элементов традиционной материальной культуры в сельских поселениях Северо-Запада России: 1) исчезновение традиционных ремесел и элементов материальной культуры, зафиксированных этнографами в конце XIX — начале XX в; 2) возрастание интереса к традиционным ремеслам и элементам материальной культуры у местного населения. Форма этого интереса — местные школы ремесел.

Безусловно, в продукции местных школ ремесел нельзя искать объекты традиционной материальной культуры в чистом виде. Здесь встречаются такие формы: а) плетеная солонка старинного образца и плетеная шкатулка для современного пользования (для женских украшений); б) традиционная роспись по дереву на прялках и современных деревянных браслетах; в) мягкие лапти для дома (их покупают как домашние тапочки).

Руководителями школ ремесел являются работники культуры, в профессиональное образование которых, безусловно, входили занятия традиционными художественными ремеслами, т.е. школы ремесел тоже работают под руководством профессионалов.

В заключение можно сделать следующий вывод. Местные школы ремесел и фольклорные коллективы должны стать объектом серьезного полевого этнографического изучения как локальные формы современного сохранения и восстановления традиционной культуры, несмотря на то что это ярко выраженные явления «этнографизма» и «фольклоризма».

Встает вопрос о форме фиксации. Вероятно, здесь более эффективна нетекстовая фиксация (полевые записи), а современная цифровая фото-, аудио-, видеофиксация, что позволяет всесторонне и точно отражать явления (например, стадии плетения на фотокадрах, процесс плетения на видеокадрах, рассказ мастера о плетении в аудиозаписи).

Библиография

Ушаков Н.В. Необходимость разработки полевой программы по этнографическому описанию современных этнических культур // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 200–204.

Е.Г. Федорова

ЛЮДИ ПОЛЯ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИНФОРМАНТОВ

Наверное, каждый этнограф-полевик рано или поздно задумывается над тем, что же представляют собой его информанты. Размышлять над этим начинают по мере приобретения опыта полевой работы. Ведь первые экспедиции дают другие ощущения: какие-то открытия, восторг от необычных мест и не-

обычных ситуаций, изменение собственной самооценки. Про информантов помним, и помним долго. Может быть, о некоторых — на протяжении всей своей жизни. Что-то превращается в анекдоты, которыми мы развлекаем коллег и своих друзей, что-то уходит из памяти навсегда.

Данные об информантах в наших полевых материалах обычно присутствуют в рубрике, которая именуется «сведения об информантах». Кто-то включает эти данные в другие пункты своих полевых документов. Но те единицы хранения (полевые записи, научный отчет) — документальное отражение собранных нами полевых материалов, с точки зрения архивистов, — строго говоря, не предусматривают качественных или каких-либо иных, кроме даты и места рождения, сведений о родственниках, жизненном пути информантов.

Пожалуй, единственное исключение — полевой дневник. Еще в недалеком прошлом ведение такого дневника было обязательным. Существовали даже книжечки небольшого формата в твердом переплете, включающие в себя еще и страницы кальки и миллиметровки в конце. Подозреваю, что такие книжечки остались «на память» в незаполненном виде у многих, кто начинал работать в 1960–1970-е годы. Назывались они «Полевой дневник», в «шапке» стояло: «Академия наук СССР». На титуле — название экспедиции и номер отряда, фамилия, имя и отчество исследователя, время начала и окончания записей и даже адрес, по которому просили вернуть дневник в случае его потери.

Не могу не сказать, что уже утрата традиции ведения таких дневников — немалый ущерб в позиций фиксации той культурной ситуации, свидетелем которой является каждый этнограф-полевик. Ведь в дневнике отражаются не только маршрут экспедиции, не только сведения о том, что исследователь сделал такого-то числа и в таком-то месте, но и то, что в целом можно назвать эмоциями. А это характеристика обстановки, условий работы, поведения тех людей, с которыми приходится сталкиваться во время полевой работы.

На первый взгляд, эти сведения не столь уж важные. Ведь главная наша задача заключается в том, чтобы собрать материалы по теме, которой мы занимаемся в настоящее время (НИР, гранты, программы Президиума РАН). Остальное в лучшем случае фиксируется как попутный материал. Не могу не заметить, что при совместной работе или обсуждении этого вопроса с коллегами-этнографами приходилось сталкиваться с тем, что сбор информации проводился по очень узкой теме. То, что было за ее пределами, даже несмотря на то что это просто «шло в руки», нередко откровенно игнорировалось — «не моя тема».

Наверное, особенности подхода к сбору этнографического материала объясняются школой — тем, какое влияние на нас оказали наши учителя и наши научные руководители. В связи с этим я не могу не выразить огромную благодарность научному руководителю моей кандидатской диссертации Иннокентию Степановичу Вдовину. Именно он мне когда-то объяснил, что в экспедиции нужно фиксировать все, даже то, что не имеет никакого отношения не только к узкой теме научного исследования, но и к этнографии вообще.

И в этой связи уместно поднять вопрос о наших информантах. Если какие-либо конкретные данные о них и могут использоваться в узко тематических

публикациях, то они не касаются качественных характеристик этих людей — того, что относится к сфере наших «эмоций». Качественные характеристики остаются в дневнике.

Естественно, встает вопрос, а нужно ли вообще писать о людях, с которыми мы работаем в поле. Может быть, в начале экспедиционной деятельности он и не возникает. Но чем больше мы ездим, чем с большим числом людей общаемся, тем понятнее становится, что это тоже своего рода блок информации. Кроме того, мы не можем не быть благодарны людям, от которых получаем сведения, необходимые для нашей повседневной работы. От кого-то из коллег приходилось даже слышать выражение «Информанты — люди, которые нас кормят».

Мы, конечно, стараемся выразить благодарность нашим информантам — в виде благодарственных писем на бланке учреждения, перечня их фамилий в монографиях. Есть и отдельные статьи, посвященные тем, с кем мы работаем (см., напр.: [Алексеевко 2000; Салмин 2009]). Немалое внимание обычно уделяется информантам в публикациях материалов полевых исследований (см., напр.: [Рахимов 2009]).

Характеристика тех ситуаций, в которые мы попадаем в процессе сбора материалов, может быть полезной для наших коллег, особенно тех, кто только начинает свою экспедиционную деятельность. В связи со всем сказанным и хотелось бы остановиться на том, что же представляют собой наши информанты. Изложенное здесь — результат наблюдений, сделанных во время многочисленных поездок к разным группам обских угров (хантов и манси).

При работе в экспедиции нам приходится общаться с людьми разных национальностей, профессий, общественного положения, пола и возраста. Общепринято в начале исследований в каком-либо населенном пункте, особенно если попадаешь туда в первый раз, составлять список информантов. В этом обычно помогают местные руководители администраций (в прошлом — председатели сельсоветов). Предполагается, что они, хорошо зная население подведомственной им территории, могут назвать фамилии тех, кто владеет интересующей исследователя информацией.

Фамилии называют, но далеко не всегда это оказываются нужные нам люди. И дело не только в том, что кто-то из них не желает «говорить», хотя такое тоже бывает в силу особенностей характера человека или отсутствия у него времени. Чаще всего в подобных случаях речь идет о людях, имеющих какое-либо отношение к культовой деятельности. Главы администраций в курсе, но, как правило, они не знают, что многое из этой сферы разглашать не положено. Причем запреты действуют не только по отношению к представителям другого народа и иной культуры, но и по отношению к немалой части «своих», что уже звучало в публикациях (см., напр.: [Федорова 2009: 205–206]).

В данном случае речь идет о категории так называемых «знающих», внутри которой также существует градация. Это самая сложная и самая закрытая категория информантов. Но именно закрытость культовой сферы обеспечила ее сохранение до настоящего времени, несмотря на христианизацию и внедрение атеизма в советский период. Под закрытостью нужно подразумевать не

просто перенос святилищ в труднодоступные места, тайное совершение обрядов или сокрытие того, что мы называем «предметы культа». В первую очередь это именно закрытость информации для широкого круга людей.

То, что какие-то данные не могут разглашаться, становится понятным в самом начале разговора, когда информант на первый же связанный с верованиями или обрядами вопрос отвечает: «Не знаю», хотя исследователю прекрасно известно, с кем он имеет дело. Это «не знаю» — верный признак того, что вы коснулись запретной темы. Такая формулировка выбрана не случайно. Она наиболее нейтральна, поскольку считается, что всегда нужно говорить правду, иначе последует наказание со стороны богов. В данном случае человек не имеет право рассказывать, но сообщить об этом в открытую он тоже, видимо, не может, как не может и дать неточные сведения.

Все же исследователи стараются проникнуть в культовую сферу. В частности, наши новосибирские коллеги собрали и опубликовали большой материал по святилищам и предметам культа северных манси [Гемуев 1990; Гемуев, Бауло 1999; Гемуев, Сагалаев 1986 и др.]. Им постоянно помогали информанты, чьи фамилии указаны в публикациях. Можно думать, что обследованные объекты не относились к числу тех, к которым не имеют доступа даже представители коренных народов.

При сборе материалов в поле мы стараемся общаться с информантами пожилого возраста. Считается, что они обладают широкими познаниями в области традиционной культуры. Это, безусловно, правильно. Но при таком подходе сильно ограничивается предмет исследования, ведь культура — живой подвижный организм, нам она интересна в динамике. Поэтому немалая часть информантов — люди более молодого возраста. Только с их помощью можно определить те изменения, которые происходили в этнической культуре на протяжении какого-то определенного периода.

В качестве информантов интересны дети. Они только начинают «входить» в свою культуру и часто, в силу своей непосредственности, подмечают такие детали, на которые взрослые могут не обратить внимания, поскольку они для них привычны. Кроме того, из бесед с детьми можно определить, какие знания, в каком объеме и в каком возрасте становятся им доступны.

Немало сведений о культуре коренных жителей можно получить при общении с пришлым населением. Здесь действует тот же принцип, что и в случае с детьми: обращается внимание на новое, необычное. Естественно, их информация очень общая и поверхностная, но ее можно «раскручивать» дальше, уже при работе с информантами из коренных народов.

Чаще всего пришлое население на Обском Севере занято в сфере образования или на руководящих постах. Как правило, эти люди достаточно открыты и хорошо идут на контакт, что дает исследователю возможность получить соответствующую информацию и статистические данные.

Здесь была изложена только небольшая часть наблюдений, сделанных во время экспедиций. Хотелось бы думать, что рубрика, специально посвященная информантам, появится в сборнике полевых исследований МАЭ РАН.

Библиография

- Алексеевко Е.А.* История в биографии // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Четвертых Сибирских чтений, 12–14 октября 1998 г. Санкт-Петербург: СПб., 2000. С. 4–13.
- Гемуев И.Н.* Мирозрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Святыни манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск, 1999.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси: Культовые места. XIX — начало XX в. Новосибирск, 1986.
- Рахимов Р.Р.* Пути к святыне в теснине гор // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2009. Вып. 9. С. 140–159.
- Салмин А.К.* Они хранят традиции // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2009. Вып. 9. С. 17–22.
- Федорова Е.Г.* О сохранении и возрождении национальной культуры (заметки на полях) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 204–207.

В.И. Хартанович

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА

К 35-ЛЕТИЮ РАБОТЫ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОГО ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА МАЭ РАН

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

В 1950–1960-х годах советскими антропологами было завершено первоначальное антропологическое изучение страны. Были накоплены огромные палеоантропологические материалы, созданы генеалогические классификации, суммировавшие полученную информацию о происхождении и этнической истории народов СССР. Одним из основных достижений исследований явилось выделение двух крупных регионов Евразии, где ведущим фактором формирования антропологического состава предполагалась метисация между монголоидами и европеоидами. Это Южная Сибирь и Казахстан и лесная зона европейской части России, Урала и Западной Сибири.

Относительно первой зоны фактически не возникало дискуссий. Массовые миграции подтверждены здесь историческими источниками. Дальнейшие исследования лишь уточняли территорию, время и конкретные взаимодействующие популяции.

Со второй зоной дело обстояло иначе. Некоторые авторитетные ученые, не отрицая наличия метисационных процессов, указывали на сложность расо-